

Судьба, казалось, всегда любила подшучивать над Тун Цзыгэ: небо ни разу не проявило милосердия к этому несчастному.

На следующий день в полдень солнце нещадно палило, прогревая каждую черепицу дворца, однако для Тун Цзыгэ это обернулось известием, подобным приходу ночного кошмара — возвращался Император.

Хуже того, неведомо откуда услышав о болезни Тун Цзыгэ, Император проявил исключительную «заботу» и издал указ о предоставлении ему целебной ванны в горячем источнике. Этот поступок, на первый взгляд казавшийся величайшей милостью, для Тун Цзыгэ, всем сердцем мечтавшего сбежать из дворцовых стен, стал ударом грома среди ясного неба.

Тун Цзыгэ понимал, что у него нет иного выбора, кроме как стиснуть зубы и готовиться к выходу. Он сидел на краю кровати, глядя перед собой пустым, беспомощным взглядом, словно его душа уже покинула тело.

Лань Синь рядом с ним тревожно помогала собирать одежду. Её руки слегка дрожали — она слишком хорошо понимала, что означает эта внезапная перемена.

— Господин, что же теперь делать? Наш план... — Лань Синь говорила сквозь слезы, её глаза наполнились влагой.

Тун Цзыгэ криво усмехнулся, и эта улыбка выглядела даже горше, чем слезы:

— Видимо, не судьба. Придется действовать по обстоятельствам.

Когда он прибыл в Танцюаньгун, Император еще не появился. Внутри дворца клубился пар, словно в чертогах небожителей. Бассейн с целебной водой походил на огромный кусок теплого драгоценного нефрита, украшенный по краям разноцветными камнями, которые мерцали загадочным светом сквозь пелену влаги. Вокруг были расставлены изысканные принадлежности для купания, а воздух пропитался ароматами благовоний.

Несколько дворцовых служанок, увидев Тун Цзыгэ, почтительно подошли к нему, готовясь прислуживать при омовении. Тун Цзыгэ пришел в ужас: его взгляд наполнился страхом, он поспешно запахнул одежду.

Его пальцы, вцепившиеся в воротник, побелели от напряжения. Тело мелко дрожало, на лбу выступил холодный пот — и вовсе не от жара Танцюаньгун, а от страха, зародившегося в самых глубинах души. Сердце колотилось в груди, словно барабан, и каждый удар отдавался в его расшатанных нервах.

Служанки удивились, и одна из них тихо проговорила:

— Господин, что с вами? Не волнуйтесь, позвольте нам помочь вам искупаться.

Тун Цзыгэ не осмеливался взглянуть на них и в панике ответил:

— Не нужно, уйдите. Я... я справлюсь сам. — Голос его дрожал, он изо всех сил старался сохранить ровный тон, но не мог скрыть охватившую его растерянность.

В голове одна за другой проносились страшные мысли: если обнаружат, что он мужчина, он не только лишится жизни, но и погубит свою семью. Он озирал пространство в поисках укрытия, в его глазах читались беспомощность и смятение. Сейчас он напоминал олененка, попавшего в западню и дрожащего в окружении охотников в отчаянной попытке найти путь к спасению.

Пар в Танцюаньгун продолжал вольно клубиться, словно не замечая напряженной атмосферы. Он обвивал Тун Цзыгэ, как тысячи невидимых рук, пытающихся сорвать завесу с тайны, которую он так яростно оберегал.

Отослав всех прочь, он дрожащей походкой вошел в воду. Каждый шаг давался невероятно тяжело, словно пудовые гири тянули его ноги к земле.

Теплая вода обволакивала тело, но не могла разогнать леденящий холод в его душе. Он медленно опустился, позволяя воде скрыть плечи, пытаясь полностью спрятаться в этой дымке.

Его глаза настороженно следили за окружением, он боялся, что любая мелочь может выдать его. Волны от воды тихо плескались рядом, но в этой тишине их звук казался оглушительным, как гром, заставляя сердце всякий раз подпрыгивать к самому горлу.

Иногда капли воды срывались с кончиков волос и падали в бассейн, издавая звонкий всплеск, и каждый такой звук болезненно отдавался в его измученных нервах.

Тун Цзыгэ вспоминал, как он оказался в этой ситуации, полной смертельных опасностей, и сердце его наполнялось горечью и безысходностью. Прежняя свободная жизнь казалась разбитым мыльным пузырем; теперь же во дворце он ходил по тонкому льду, и даже обычное купание могло стать причиной его гибели. Он обхватил себя руками, словно это могло подарить крупицу безопасности, но непрекращающаяся дрожь выдавала его страх.

В этот миг издалека донеслись тихие шаги. Его тело мгновенно напряглось, дыхание перехватило.

Император, облаченный в просторный халат для купания, с насмешливым блеском в глазах и легкой полуулыбкой на губах, неспешно прошел к нефритовому шезлонгу и сел. Его взгляд, словно у ястреба, был прикован к Тун Цзыгэ: он разглядывал его как интересную игрушку, не упуская ни единой эмоции, ни единого трепета.

Тун Цзыгэ чувствовал себя так, словно его опутали невидимыми цепями, от которых невозможно сбежать.

Взор Императора упал на следы от пут на его теле — те самые отметины от перенесенных прежде истязаний, что перекрещивались на его коже. В густом паре они выглядели еще более пугающе, напоминая очертания злобных змей.

В глазах Императора промелькнуло едва заметное возбуждение. Слегка склонив голову, он лениво произнес:

— Заболел?

Голос его отразился от стен Танцюаньгун, неся в себе высокомерное презрение и жестокую насмешку.

Губы Тун Цзыгэ задрожали. Он хотел что-то сказать, но боялся разгневать Императора. Он мог лишь крепче обнять себя, пытаясь скрыть следы позора, но под жарким и полным хищного вожделения взглядом Императора всё было тщетно. Вода в источнике казалась теперь кипятком, готовым окончательно сжечь его истерзанную душу.

— Ваше Величество... — с трудом выдавил он, голос его был хриплым и сухим, словно предсмертный стон старых кузнечных мехов. В его глазах читалась мольба: он надеялся, что Император пощадит его, даст хотя бы мгновение покоя.

Однако Император словно не слышал его просьб, по-прежнему с любопытством наблюдая за ним.

Время словно застыло, и каждая секунда превращалась для Тун Цзыгэ в пытку. Он чувствовал себя насекомым, запутавшимся в паутине: чем сильнее он сопротивлялся, тем туже затягивались пути жестокой судьбы.

Внезапно Император встал и медленно направился к бассейну.

Сердце Тун Цзыгэ сжалось. Инстинктивно пятясь, он ударился о край бассейна. Император подошел, присел на корточки и, протянув руку, ухватил Тун Цзыгэ за подбородок, вынуждая поднять голову и встретиться с ним взглядом.

Хватка Императора была сильной, причиняя боль, но Тун Цзыгэ не смел сопротивляться и лишь беспомощно смотрел на того, в чьих руках была его жизнь.

Цзун Тинлин слегка приподнял бровь, и на его губах появилась усмешка, но в глубине глаз застыл непроницаемый холод. Низким, бархатным голосом, подобным холодному змеиному языку, скользнувшему по уху, он прошептал:

— Не будь таким напряженным. Сначала помоги мне искупаться.

Тун Цзыгэ, шатаясь, медленно вышел из воды; каждый его шаг оставлял на полу вереницу влажных следов. Тело мелко дрожало, капли воды стекали с волос и кожи, собираясь в маленькие лужицы.

Не смея медлить, он поспешно подошел к Цзун Тинлину и опустился на колени; глухой звук удара колен о пол отчетливо прозвучал в тишине Танцюаньгун.

Его дрожащие руки потянулись к одежде Цзун Тинлина, но, коснувшись ткани, пальцы инстинктивно отпрянули, словно от раскаленного пламени.

Однако послушаться он не мог. Стиснув зубы, подавляя страх и унижение, он продолжил движение. Опустив голову, он не смел встретиться с ним взглядом, а пряди волос, намокшие от пара, прилипли к бледным щекам, делая его облик еще более жалким и беззащитным.

Процесс раздевания казался Тун Цзыгэ бесконечной пыткой. С каждым распутанным узлом сердце билось всё чаще, и его стук отдавался в ушах, как гром. Дыхание сбилось, руки вспотели от напряжения, из-за чего влажные шнурки стало еще труднее распутать.

Он чувствовал на себе взгляд Цзун Тинлина — холодный, как лезвие ножа, срезающий дюйм за дюймом его последние остатки достоинства.

В глазах Цзун Тинлина вспыхнул трудноуловимый свет, в котором переплелись вождение и жестокость. Без предупреждения он резко протянул свои сильные руки и подхватил Тун Цзыгэ на руки.

Тун Цзыгэ почувствовал, как сдавило поясницу, и ноги оторвались от земли. Он невольно уперся руками в грудь Цзун Тинлина, пытаясь сопротивляться, но его слабые силы перед мощью Цзун Тинлина были подобны попытке муравья повалить дерево.

Они оба погрузились в воду. В панике Тун Цзыгэ случайно нахлебался воды. Она, пропитанная отваром трав, хлынула в нос и рот, заставляя его зайти в судорожном кашле. Казалось, каждое содрогание от кашля выворачивает легкие наизнанку, и тело его продолжало мелко дрожать в объятиях Цзун Тинлина.

<http://bllate.org/book/22353/2342717>